

ИСТЕРИЧЕСКАЯ СЕМИОТИКА ЖЕНСКОГО В КЛИНИКЕ СОВРЕМЕННОГО ПСИХОАНАЛИЗА¹

О.Н. ПАВЛОВА*

Автор, используя некоторые обобщения своего клинического опыта, сделанные на основе теоретических конструктов психоаналитической парадигмы, предпринимает попытку анализа проблем женственности, обнаруживающих себя в ментальности современной женщины. Лейт-мотивом текста звучит вопрос: «Как соотносится “женское” и “истерическое” в пространстве женской души?» Реконструированная в психоанализе история детства женщин, их реальных отношений с родителями, бессознательный образ себя как женщины и глубоко внутреннее представление о мужчине, а также фантазмы сексуальных отношений позволяют автору взглянуть на истерию как специфически «женское», очертить границы истерического континуума в женской внутренней реальности и выделить специфические закономерности существования «женского истерического».

---

¹ Переработанный текст пленарного доклада на Международной психоаналитической конференции «Зигмунд Фрейд – основатель новой научной парадигмы: психоанализ в теории и практике» (к 150-летию со дня рождения Зигмунда Фрейда). Москва, 16-17 декабря 2006г.

* *Павлова Ольга Николаевна* – канд. психол. наук, клинический психолог, член правления, а также руководитель клинического направления РПО, профессор кафедры специальных психологических исследований Национального института Екатерины Великой, член редколлегии журнала «Психоаналитический вестник».

*Посвящаю этот текст отцам,
воспитывающим дочерей,
и моему собственному отцу.*

Аннигилирование истерии: болезнь, ставшая призраком

Истерия по праву рассматривается как стартовая площадка, отправная точка эволюции психоаналитических идей, и в продолжение многих исследований, посвященных данной теме, мне хотелось бы поразмышлять об этом феномене человеческой души, который все еще хранит в себе немало загадочного.

В наши дни истерия как диагноз утратила свою былую значимость, став значительно менее распространенной, чем в давние исторические времена или в эпоху жизни и деятельности З.Фрейда. Можно сказать, что она превратилась в болезнь-призрак, поскольку оказалась даже устраненной из Международных классификаций психических заболеваний (последнего издания DSM – IV-R). Тем не менее, каждый клиницист не станет отрицать, что истерия по-прежнему существует, и ее проявления мы можем достаточно широко наблюдать в клинике. Болезнь человеческой психики, имеющую документированную историю продолжительностью около четырех тысяч лет, – истерию – дисперсировали и фрагменты ее растащили по разным диагностическим категориям. Указывая этот внушительный временной отрезок, я имею в виду папирус Каун – самый древний в области медицины, время появления которого относится примерно к 1900г. до н.э. В нем дается описание нарушений самочувствия, связанных со смещением матки, в позднейшее время названных истерическими проявлениями. Уже сто лет назад Пьер Жане, видимо, предчувствуя это предстоящее во времени категориальное аннигилирование истерии, вступил в борьбу за сохранение данного термина и стоящих за ним психических – как патологических, так и нормальных – особенностей и проявлений. Так, например, он писал: «Слово “истерия” следует сохранить, несмотря на то, что его первоначальное значение сильно изменилось. Сегодня его будет очень трудно осовременить, и воистину оно имеет такую великую и прекрасную историю, что будет болезненным от него избавиться» (Жане, цит. по: Шапира, 2006, с.7).

Я целиком разделяю это мнение, и хотела бы здесь обсудить, какие же трансформации мы можем наблюдать в прочтении истерии сегодня? Какими должны быть клиническое описание и понимание истерического склада в наше время? Я хотела бы также обратить внимание на то, что буду рассматривать этот феномен под определенным углом зрения – как

специфическое проявление женской души, и поэтому условно назову его «женским истерическим». И тогда наши вопросы примут более определенный характер, а именно: как встроено «истерическое» в женскую душу, если, говоря словами современного философа Вадима Руднева, «истерическая семиотика – эмоции и желания – традиционно считается женской» (Руднев, 2006, с.107). Иначе говоря, как соотносится *женское* и *истерическое* в пространстве женской души? Если между тем и другим началами существует взаимосвязь, то какова она? Все ли женщины – «истерички», как их довольно часто именуют мужчины? И что значит быть женщиной, будучи истеричкой? Как обычно в психоанализе, вопрос возникает значительно больше, чем находится на них ответов.

«В XX веке поведение, заключающееся в “жалобных причитаниях” и “заламывании рук”, окружающие встречают не просто без симпатии, а даже с отвращением... Падающие в обморок леди викторианской эпохи не в состоянии побудить к себе ни малейшей симпатии у своего социального окружения... Таким образом, истерия, по существу, перестала вознаграждать человека. Заботливое внимание, которое веками чувствовали к себе истерические женщины, в XX веке уступило место бесчувственному безразличию...» (Veith, 1965, p.273) Историк медицины Ильза Вейс, цитату из книги которой я привела, убеждена, что истерия «адаптировала свои симптомы к идеям и моральным нормам каждого общества; при этом предрасположенность к истерии и ее основные характерные черты остались более или менее неизменными» (*op.cit.*, p.225).

Как очевидно, я не первая и не последняя, кто пишет сегодня интерес к истерическим проявлениям человеческой души, и, надеюсь, что смогу добавить некоторую толику знаний к тому, что уже было сказано ранее и другими. В своих размышлениях я отталкивалась от работ и исследований, проведенных не только в русле психоанализа, но и от философских текстов В.Руднева, Ю.Кристовой, М.Фуко, Ж.Делеза, Ф.Гваттари и др. Большое влияние на меня в этом вопросе оказали также мифы и сказки. Помимо прочего, мне показалось вполне современным и созвучным моему пониманию яркое и рельефное описание истерии, данное К.Ясперсом в его докторской диссертации «Общая психопатология», написанной почти 100 лет назад (Ясперс, 1997, с.538-539).

Обозначу некоторые основные моменты того видения, в котором для него выступал профиль истерической личности. В душевном функционировании истерического характера К.Ясперс выделяет один фундаментальный признак. По его мнению, люди подобного склада вместо того, чтобы принять себя такими, какие они есть («я такой-то человек с такими-то возможностями, которые мне присущи и которыми я ограничен»),

значительно преувеличивают собственное значение не только в своих глазах, но и, особенно, в глазах окружающих. Истерическая личность непременно должна вместить в себя больше переживаний, нежели это допустимо с учетом ее потенциала. Место подлинного, неподдельного переживания занимает вымученное лицедейство, переживание, как бы навязанное себе самому. При этом истерик *живет* внутри своей драмы, а не «вымучивает» переживание, намеренно привлекая к этому работу сознания. Остальное, с точки зрения Карла Ясперса, вытекает из вышеприведенного условия уже как его следствие: требование экстраординарных переживаний, отсюда – погоня за столь же сильными стимулами; ощущение себя несчастным и осознание собственной пустоты, когда истерик неожиданно лишается всеобщего внимания; использование болезни и роли страдальца в ситуации неуспеха. Истерическая личность бросается в крайности: либо предается самообвинениям, либо, используя любые средства, принимается доказывать другим и себе собственную исключительность. Постоянный обман и самообман – одна из наиболее характерных черт истериков, что в разной степени приводит к утрате осознания собственной реальности и переходу к фантазийному существованию.

Вот такой демонстративный личностный фон мы имеем безотносительно к полу. И именно таким образом живет и существует, пробираясь через сооруженные ею самой эмоциональные и событийные «буреломы» и «засеки», истерическая женщина. Такой мы узнаем ее, когда она приходит к нам на встречу и исповедует о себе. Но самого главного о ней мы еще не сказали. Отвечая на вопрос, что имеется в виду под «самым главным», использую поэтическую метафору Ильзы Вейс: «Через весь запутанный клубок истории истерии красной нитью проходит *сексуальность*» (Veith, 1965, p.225). Что же происходит с женской сексуальностью в истерическом контексте?

Женское истерическое

Континуум «женского истерического», на мой взгляд, функционирует в женщине в триединстве присущих ему черт, однако, не всегда являя на свет одновременно все три свои составляющие. Три имаго одной женщины могут иметь место в разных событийных и временных ситуациях, при которых одни из них приобретают особую выразительность, а другие остаются невидимыми. То же и в процессе психоанализа: полностью это триединство может обнаружить себя лишь в пространстве длительной психоаналитической работы. Каковы же эти три имаго?

- Хорошо компенсированная истерическая (истерически организованная) женщина предстает перед нами как яркая, обращенная к

людям, хорошо адаптированная харизматичная личность: деятельная, неповторимая, стремящаяся к мужским атрибутам превосходства.

- В других эпизодах ее жизни мы можем видеть маленькую испуганную девочку-куколку, жаждущую заботы и внимания, нуждающуюся в опоре в лице другого человека и не способную понять себя и выразить свои потребности.
- Третьим проявлением «истерического женского» является глубинный образ, наполненный архаической ненавистью и пожирающей, уничтожающей любовью, характеризующийся крайними гротескными проявлениями душевных переживаний, – назовем его «воинствующей женственностью».

Реконструированная история детского развития

Коснемся вкратце *раннего периода* жизненной истории такой женщины, который я реконструировала по результатам психоаналитической работы со многими пациентками, страдающими истерической симптоматикой. В этой истории сыграли свою роль оба родителя. Каждый из них, сам того не ведая, внес значительный вклад в формирование истерической организации личности женщины.

Мать этой женщины, как правило, обнаруживала неспособность в том, чтобы создать адекватную эмоциональную поддерживающую среду для своего ребенка, который, по существу, нуждался в значительно большем, чем она была в состоянии дать. Она не могла ни удовлетворить потребности маленькой девочки, ни контейнировать или хотя бы просто вытерпеть негативные аффекты дочери, возникающие в ответ на массивную депривацию и фрустрацию со стороны матери. Это – ребенок, которого мать не могла понять.

Одна из моих пациенток рассказывала, что в детстве у нее была самая любимая игрушка – заяц, которого она, невзирая на свою любовь, имела обыкновение захватывать двумя руками за нижнюю часть туловища и изо всех сил трясти. Сначала эту «процедуру» девочка осуществляла, забираясь в шкаф, тайком от всех. Спустя время, она уже не таилась и трясла своего любимца, находясь в комнате, на глазах у всех. Никто не мог разгадать, что все это значит и почему она это делает, да и, главное, не пытался понять. Со слов самой пациентки, мать и сейчас, по прошествии стольких лет, любит говорить о том, что в детстве ее было совершенно невозможно понять. Загадочную девочку отвели к врачу, но ответа не получили.

Продолжение этой истории включим в наш собирательный сюжет, клеточкой которого она является. Для того, чтобы как-то существовать на фоне избыточной, неконтролируемой матерью тревоги, девочка должна оставаться в симбиотическом слиянии с нею, без каких-либо попыток сепарироваться от нее. Ребенок растет лишь в качестве придатка матери, который служит отражением ее желаний. Однако потребность девочки быть автономным человеческим существом, которая предполагается закономерностями развития личности ребенка, все сильнее заявляет о себе. И в то же время ребенок все больше переживает страх, рискуя быть брошенной матерью, если осмелится заявить о своих собственных желаниях, не совпадающих с материнскими.

В эдипов период девочка переключается на отца. Отцу, которому нередко не хватает любви и внимания со стороны эмоционально отстраненной (часто раздраженной и не довольной им) супруги, эмоциональное влечение дочери дает ощущение радости и тепла. Рядом с ней он бессознательно фантазирует об обретении объекта любви и душевного друга, по отношению к которым он обладает властью (в отличие от своей жены, матери девочки, где этой власти он лишен). Девочка вновь попадает в кабалу: на сей раз она вынуждена быть отражением желаний и потребностей отца.

Завершающие страницы истории – большая часть собственных влечений ребенка не находит удовлетворения ни в доэдипальный (оральный, анальный) период психосексуального развития, ни, тем более, на генитальной стадии. Соединение девочки с отцом как своего рода «суррогатом» матери приводит к отклоняющемуся формированию зрелой взрослой женственности – замедлению или даже к остановке в данной линии развития. Анализируя воспоминания моих подопечных, я прихожу к выводу, что основные конфликты, связанные с обязанностью быть отражением чьих-то желаний, лежат в большинстве случаев в сфере отношений «отец-дочь». Приведу слова одной из моих пациенток, как пример такой отцовской тирании, осуществляемой с его стороны с самыми благими намерениями: «Папа заставлял меня срисовывать женщин в стиле “Fantasy”. Они ему нравились. А мне это страшно не нравилось, но что я могла сделать?».

Кассандра, мифический персонаж, используемый юнгианской глубинной психологией в качестве прообраза истерической женщины, считает себя любимицей отца. Криста Вольф в одноименной повести (*Wolf*, 1984) подробно описывает историю отношений Кассандры с отцом, основанную на литературном прочтении мифологических фактов. Рассказывая об отце, Кассандра говорит: «Наша близость, как это часто бывает между

мужчинами и женщинами, была основана на том, что я его знала, а он меня не знал. Он видел во мне свой идеал; и предполагалось, что так будет всегда» (*op.cit.*, p.50). Но это отцовское ожидание оказывается для дочери непосильной ношей. Девочка не всегда и не во всем соответствует его желаниям и ожиданиям. И когда она с ним не соглашается, все – как в мифе, так и в реальной жизни – обращается против нее.

Дело осложняется еще и тем, что мать по отношению к дочери выступает в роли, скорее, неистовой соперницы, испытывающей зависть и ярость в связи со сложившейся близостью ее взаимоотношений с отцом. Атмосферу крайне напряженного соперничества между дочерью и матерью, порой переходящего в войну, достаточно точно описывает и Карен Хорни в своей «Переоценке любви...» (Хорни, 1997).

Сложившаяся внутрисемейная ситуация неумолимо приводит душевное состояние девочки к бессознательно переживаемому и полностью завладевающему ей фантазму внутренней борьбы между «мужским» и «женским». *Сражение полов* между родительскими фигурами, представляющими приматы объектов «мужского» и «женского», которое имеет место быть во внутриличностном мире женщины, с наибольшей выразительностью звучит в словах Кассандры (вновь обращаюсь к повести Кристины Вольф): «Внутри меня постоянно происходила борьба. Я считала, так и должно быть. Два непримиримых врага выбрали мертвый ландшафт моей души в качестве поля битвы и вступили в сражение не на жизнь, а на смерть. Между мной и невыносимой болью оказалось только сумасшествие» (Wolf, 1984, p.60).

Моя пациентка об отношениях с отцом и матерью (и даже другими людьми) тоже говорит, используя метафору гладиаторского боя. «Это сражение плохо с двух сторон: либо умираю я, либо я убиваю их. И я выбираю: лучше «умереть» самой. Я «умираю» и становлюсь безвольной куклой, и они ведут меня, куда хотят. И если я скажу, что не пойду, что не хочу туда, – я точно их потеряю. Я не хочу так. Хочется на своих, а не только на их условиях».

Возможно, такое сражение полов возникает в попытке уничтожить устрашающее, насилующее мужское начало. Для этой составляющей внутриличностного объектного поля я выбрала используемое в психоанализе название – *мужское* (Лаплани, Понталис, 1996, с.232). Девочка смотрит на отца *глазами матери* и защищается, пытается сохранить себя. Одно из двух – либо она будет вынуждена уничтожить «мужское» внутри себя, либо «психологически умрет», аннигилируется сама. Страх перед собственной агрессией, исходящий из ее внутренних объектов «мужского»,

обращает женщину к *воинствующей женственности*. Она становится властной, истребляющей мужчин Медеей, валькирией.

Если же «военная кампания» проиграна, и не *мужское*, а именно *женское* (воинствующее женское) внутри уничтожено, остается еще одна возможность продолжить жизнь после аварии в «энергосберегающем режиме», – сохраняя в себе остатки женственности. Разворачивающиеся внутрипсихические действия в «войне полов» становятся причиной регресса к началу фаллической стадии, где для ребенка начинает открываться различие полов, – к «фазе отказа от признания этих различий» (Узер, 2001, с.39). Подобрать метафоры, которые позволили бы с большей или меньшей точностью описать переживаемые женщиной бессознательные фантазмы, отвечающие *спутанному состоянию сексуальной идентичности*, оказывается непросто. Нашим сознанием это может быть воспринято двояко: «не женщина и не мужчина» или, напротив, «и женщина и мужчина». Может быть, более ясными для понимания этого состояния – инкапсулированной в самом ее зачаточном состоянии женственности – окажутся слова самих моих пациенток, сказанных с горечью о себе: я – «женщина-вещь», «маленькая бесполовая куколка», «ненастоящая девочка»...

Таковы метаморфозы «женского» и их внутренняя динамика. Далее я хотела бы более подробно остановиться на специфике образов, возникающих в процессе *патологических трансформаций* объектов «женского». Но прежде еще одно отступление, которое поможет нам почувствовать грань между нормой и патологией. В качестве преамбулы к размышлению о «нормальностях» и «ненормальностях» женской души я выбрала любимую нами всеми с детства сказку.

Заветные женские сказки и мифы

На мой взгляд, ничто так не дает почувствовать страх, а иногда и ужас юной женщины перед «мужским», как всем известная сказка С.Т.Аксакова «Аленький цветочек». Наверно, именно потому, что женская природа конфликта, заложенного в основу этой сказки, близка и подсознательно понятна всем, она имеет столь большую популярность среди детей и взрослых. Эта народная сказка, записанная Аксаковым со слов старой ключницы Пелагеи, в известном смысле может быть воспринята как римейк греческого мифа об Эроте и Психее. Можно думать, что и в русской сказке, и в греческом мифе реализуется девичья мечта о возвращении «потерянного рая» (я имею в виду младенческие отношения с матерью) – рая, который женщина мечтает обрести в отношениях с мужчиной. Он ее поит, кормит, одевает, осыпает деньгами и драгоценностями, от нее же требу-

ется просто «быть»: «Я у него *есть* – разве это мало?» – возмущенно восклицает такая женщина.

Фабула этой мечты: женщина, девушка (в нашем случае Настенька) не видит своего суженого (это очень по-женски, точнее, по-русски: чтобы был муж, не важно какой, главное, чтобы деньги в форточку передавал). Он любит ее беззаветно, безответно, она же получает все, что хочет. Очарование этого сюжета в том и заключается, что он таит в себе неосознаваемое самой юной женщиной ее, обращенное к мужчине, ожидание – он призван превзойти в любви ее собственную мать, стать для нее лучшей матерью. Но даже в сказке все оборачивается иначе. Девушка, мечтавшая о принце на белом коне, находит чудовище (и в самом деле – разве женщина, злясь на мужчину, не называет объект своих негативных чувств «чудовищем»?). Сталкиваясь с ним лицом к лицу, она испытывает ужас. Мужчина – очень «другой», он не соответствует миру женщины, ее наивным ожиданиям, он страшен и безобразен, с ее точки зрения. И это пугает ее. Разрешение конфликта – в концовке сказки, где и заключена ее мораль. И там говорится: «Ты одна полюбила меня, чудовище противное и безобразное».

Именно *любовь* женщины обращает «чудовище» в долгожданного «принца». Но сплошь и рядом эту концовку, эту мораль, женщины почему-то бессознательно вытесняют.

Живущие в женщине детские воспоминания о ранних отношениях с матерью, а потом и с отцом, понимание, что она всегда являлась лишь объектом, инструментом реализации их желаний, гонят ее от мужчины прочь. Чтобы быть самой собой (не играть чужие роли, не притворяться, не подстраиваться в отношениях с мужчиной), такая женщина должна быть отверженной. Имеется в виду не конкретное отвержение, испытываемое в отношениях с конкретным мужчиной, а глубоко внутренне переживаемая *отвернутость*, скрытая от глаз мира. Возможно, дабы сбегать свое внутреннее Я, состоящее из подлинных ее желаний, женщина должна снабдить его мешком и колокольчиком прокаженного. Свое бегство вглубь она, из страха, тщательно скрывает не только от других, но даже и прежде всего от самой себя. У нее есть еще и другой выход – испугать мужчину, чтобы он «убежал», устранился из отношений сам. При этом она, скорее всего, сделает из него «козла отпущения», приписав ему всяческие «плохости», что имеет свою условную выгоду, поскольку таким образом она и в своих собственных глазах, и в глазах других выступает в роли невинной жертвы.

В этом контексте становится также понятным истерическое отвержение детей, нежелание их иметь, скрывающееся за, якобы, невозможнос-

тью их иметь. «Я очень хочу, чтобы у меня был ребенок, но у меня нет мужчины, нет семьи» или демонстративно-протестное: «Не хочу детей. Мне придется делать то, что для них необходимо, все, чего они хотят. Что же будет со мной? Я потеряю свободу». Дети здесь начинают выступать продолжением захватывающего в плен имаго, отражением чьих потребностей она вновь может стать.

Воинствующая женственность

Вместо любви к мужчине такая женщина хочет *власти* над ним. Здесь можно привести в пример яркий собирательный образ истерической женщины, который представил в лице своей героини Сары Вудраф Джон Фаулз в романе «Женщина французского лейтенанта». Читая это произведение, невольно вспоминаешь то клинически точное описание внутреннего склада истерика, которое дал К.Ясперс. Кратко напомним сюжет этого произведения, проникнутого духом психоанализа (не случайно оно изобилует ссылками на З.Фрейда).

В эпицентре сюжета – женщина викторианской эпохи, влюбившая в себя мужчину, который вел отчаянную борьбу со своими чувствами. Он многое потерял ради нее, многое мог бы ей дать, но – отношения рвутся, когда любовь, казалось бы, восторжествовала. Героиня ускользает от него, добившись его любви. Непонятная женщина, страдающая, ищущая, временами производящая впечатление безумной. Ее страдания, о которых знает весь город, где она живет, представлены легендой, согласно которой она выходила попавшего в кораблекрушение французского моряка, была соблазнена им, отдалась ему и в результате оказалась обманута и брошена. По окончании романа так и остается не ясным, является ли эта печальная история подлинной, реальной или она – только фантазия Сары? Похоже, Дж.Фаулз не случайно сравнивает человеческие истории с муаровым шелком, где один фрагмент рисунка, тая в сиянии шелка, неуловимо переходит в другой: «Все зависит от того, под каким углом их рассматриваешь». Истерическая атмосфера неясности, беспомощности заполняет пространство романа и душу читающего. К чему стремится героиня, чего она хочет от жизни, от мужчины? Дж.Фаулз вкладывает следующие слова в уста своего главного героя: «Вот она, ее пресловутая тайна: страшное, расчетливое извращение человеческого естества; и сам он – всего-навсего безмянный солдат, жалкая пешка на поле сражения, где битва, как во всякой войне, идет не за любовь, а за владение, за власть». «Она же отдавала – и отдавалась – только с целью приобрести власть. А получить власть над ним одним – не это было ей надо, то ли потому, что он не представлял для нее существенного интереса, то ли потому, что стремление к власти было в ней настолько сильно, что требовало новых

и новых жертв и не могло насытиться одной победой... ». Дж.Фаулз видит Сару в образе древнего сфинкса, который служит триггером в поворотной точке истории Эдипа. Все, что произойдет с Эдипом дальше, зависит от этой встречи с сфинксом.

Дж.Фаулз обнажает одну из граней отношений любви между мужчиной и женщиной, рассматривая ее беспристрастно с хладнокровием хирурга. Мужчина – Эдип, женщина – Сфинкс, и он в ее власти, как младенец, зависимый от своей матери.

Вопросы, которые возникают в связи с загадкой героини, для автора романа остались открытыми, мы же попробуем, используя психоаналитический инструментарий, ответить на них в меру возможности.

Зачем женщине власть над мужчиной? Что уводит ее от самого желанного, – от любви, – к власти? Власть в контексте взаимоотношений «мужчина-женщина» можно понимать как контроль одного над другим, в русле нашей темы – женщины над мужчиной. Да, она боится его. Мужчина представляется в женских фантазиях как насильник, женоненавистник, садист. С помощью механизма проекции или проективной идентификации она проецирует на него свою мужскую, отщепенную, «плохую» часть, которая корнями уходит в идентификацию с фаллической матерью, стремящейся к превосходству над своим мужем, отцом девочки, и к власти над ним. Чего можно желать, о какой любви в жизни дочери может идти речь, если образ мужчины у матери был пуст и эта пустота уже задела душу девочки? Лишь власть (контроль) над «чудовищем» может принести успокоение и возможность дальнейшего существования.

Одна моя пациентка, с которой я работаю уже более года, в самом начале нашего взаимодействия знакомится с мужчиной, которого далее, практически на всем протяжении отношений с ним, описывает исключительно в гротескных негативных красках. Я неоднократно задавала себе и ей вопрос, что делает этот «демон» рядом с ней, что заставляет ее находиться рядом с ним, если все, с чем он обращен к ней, только плохо и день ото дня становится лишь хуже?

Еврипидовская Медея

Наиболее яркой разновидностью воинствующей женственности служит примитивная форма истерии, которую Джойс МакДугалл (*МакДугалл*, 2002) считает защитой против догенитальных либидинальных желаний, капсулируемых и подвергнутых вытеснению, прежде чем быть переработанными в фантазии. Эти желания проистекают из парциальных влечений, которые, как видно, не должны генитализироваться, оставаясь зачаточными, ввиду чего они и недоступны символическому хранению. Архаичная

истерия с обилием ее конверсионной симптоматики является защитой против нарциссических или психотических страхов, порождаемых, прежде всего, страхом перед своими либидинальными и смертоносными побуждениями и фантазиями. Столкнувшись с тем, что У.Бион назвал «безмянным ужасом», личность может создать пустоту, в который ужас и остается запертым. А пустота – молчание души – приводит к разговору тела.

Все сумасшествие такой истерической женщины вынесено вовне. С нею, вроде, все в порядке. Со слов ее психотерапевта, она тестирует реальность, связно и последовательно излагает свои жалобы, имеет работу и справляется с нею. Ничего непредсказуемого, ничего странного в ее поведении нет, можно лишь почувствовать некоторую эмоциональную отчужденность. Но вокруг этой женщины происходит сплошное безумие – психоз, вынесенный вовне, или спроецированное безумие. Ее биография переполнена экстраординарными событиями, которые если и случаются в жизни других людей, то, все же, остаются в ней чем-то исключительным: убийства, изнасилования, смерти близких, природные катаклизмы – все разом.

По словам психоаналитика Ф.Валабрега, истерическая пациентка приносит свое тело как загадку, которую должен отгадать аналитик. Единственная цель этого действия – представить разницу полов, обусловленную наличием фаллоса. Она предлагает свое тело, свою боль, представая при этом как обладатель какой-то магической силы (колдунья Медея), дающей ей возможность посрамить всех окружающих (сама она, в глубине, испытывает непереносимое чувство стыда по поводу своей «кастрированности»). Истеричка не прекращает напряженного боя с представителем мужского пола, дабы утвердить всемогущество своих образов, которые неосознанно разделяет и мужчина, выбранный ею в качестве партнера. Победой становится физическая или символическая (кастрация) смерть мужчины.

И снова я обращаюсь к мифу.

Еврипидовская Медея, которой Язон предпочел более молодую и высокородную Главку, спасла ему жизнь, принесла в жертву родину, семью, жизнь родного брата. В конечном счете, ее любовь к Язону превращается в жажду кровавой мести. Злая волшебница убивает не только его новую возлюбленную, но и, ведомая слепой яростью и жаждой мести, своих любимых детей, отцом которых он был.

Мечь Медеи явно превышает провинность Язона. Ее можно было бы объяснить, скорее, с позиции бессознательных содержаний, нежели конкретных чувств, вызванных конкретными событиями. Можно думать, что

этот сокрушительный импульс ненависти направлен, скорее, на образ отца и лишь смещен на мужчину, сексуального партнера. Мечь Медеи потому и потрясает человеческое воображение своей жестокостью, что не имеет прямого отношения к данному мужчине. Он – всего лишь мишень, объект для реализации чувств, издавна, с самого раннего детства, ищущих выхода: ненависть к отцу за то, что она была только отражением его желаний, плюс негативный эдипов комплекс – ненависть из-за его обладания матерью, зависть к обладанию органом могущества – фаллосом.

Кстати у данной легенды есть история, предваряющая все эти трагические события и вместе с тем подтверждающая, что Медея – истеричка. Истерия сама по себе – ярчайший пример различия полов и борьбы женщины за пенис.

Медея видит сон, где юноша сражается с минотаврами за ее руку и сердце и побеждает их. Однако ее родители не позволяют юноше соединиться с возлюбленной, потому что, по их мнению, именно их дочь, а не он, победила минотавров.

Кто же она, Медея, чего в ней больше – женского, мужского?

«Ненстоящая» девочка

Строфа из поэзии Сафо «...Но своего гнева не помню я. Как у малых детей, сердце мое...» переносит нас к еще одной, упоминавшейся выше, метаморфозе объектов «женского», названной нами «ненстоящая девочка». Бывает «плохая» и бывает «хорошая» девочка, и у каждой из них – свои шансы на любовь. А существует подделка – «ненстоящая девочка», душевно отвергнутая, не принятая мамой. Посыл об «искусственности» своего рода исходит от матери и поддерживается отцом. Девочке больно, она все чувствует, но родители предпочитают относиться к ней, как к игрушке: переодеть, покормить, полечить. Совсем как в детской игре «дочки-матери», где будущая женщина, еще девочка, постигая азы семейных наук, играя со своим воображаемым «ребенком», в любой момент может закинуть его за ногу в угол, если ей надоела игра. Современное телевидение взяло эту тему на вооружение: канал ТНТ с ведущей Катей Лель выпускает в эфир, на мой взгляд, леденящую кровь передачу, где родители, знаменитые люди нашего города, ухаживают за младенцем-роботом. Если отношение к ребенку стало модной темой – это само по себе не плохо. Но, если ребенок заменится роботом, это говорит о том, что в современной культуре воспитания не осталось места для самого важного, что происходит между родителем и ребенком, – обмена чувствами, переживаниями, мечтаниями, для их отношений. Давайте заменим настоящие цветы

на искусственные – они не вянут и совершенны; давайте заведем механическую собачку – она не портит мебель и не писает где попало. Так и хочется предложить рекламный слоган для фирм будущего, торгующих детьми-роботами: «Заведите себе ребенка-робота, и Вы обретете гармоничную, полную семью, почувствовав себя полноценным членом нашего общества».

В этих семейных, нарциссически культурно-обусловленных условиях женственность девочки приобретает причудливую форму. Благодаря адгезивной (от англ. *adhesion* – прилипание, сцепленность) идентификации с матерью, внешне в ней наличествуют все атрибуты женственности, но только внешне. «Ненастоящая девочка», повзрослев, окружает себя миром подделок: взамен живых – декор из искусственных цветов, вместо драгоценностей – бижутерия, живое лицо подменяется косметически нарисованным, словно компенсируя внутренне-содержимое, пол которого с трудом поддается определению: пупсик, кукла, маленькая балеринка, ребенок-робот?

Тема ненастоящего ребенка широко распространена в литературе нашего времени. Вспомним куклу наследника Тутти из «Трех толстяков» Юрия Алеши – точную копию Суок, родной сестры мальчика, с которой Три Толстяка разлучили его в раннем детстве. Чтобы вырастить своего приемного сына жестоким и бесчеловечным, они подменили живую девочку механической моделью, ставшей объектом любви мальчика.

Другое произведение – пьеса Уильяма Гибсона «Тряпичная кукла», которую можно найти в репертуаре всех ТЮЗ'ов страны. Хотя, отмечу, данная проблема не родилась в настоящее время, – народные сказки также не обошли стороной эту тему (вспомним Буратино, Колобка, Снегурочку А.Островского). Просто в наше время она звучит жестче и опознается острее, ибо находит много прототипов в жизни.

В фильме «Искусственный разум» Стивен Спилберг создает переворачивающий душу образ – маленького мальчика-робота по имени Дэвид. Будучи искусственно созданной электронной моделью человека, он представляет собой совершеннейший экземпляр, который отличается от своих аналогов тем, что может испытывать чувства. Его берут в семью, где происходит несчастье, – родители теряют маленького сына (он серьезно болен, врачи бессильны перед лицом его заболевания и его замораживают). Спустя время, однако, их родной сын выздоравливает, и внутри семьи разгораются конфликты, связанные с искусственным мальчиком. Он стремится получить любовь матери, но не может: единственное, чего она теперь хочет, это отделаться от него. Ей не хватает сил его убить, и она просто выбрасывает его на помойку. В процессе своих странствий, выб-

рошенный на улицу мальчик понимает, что он робот, и пускается на поиски Голубой Феи из сказки, чтобы она сделала его настоящим, и мама его полюбила... Автор фильма дарует своему герою один день такой настоящей любви, который стоит больше, чем целая жизнь без нее.

Все в пространстве этого фильма символично, и созвучно, как мне кажется, размышлениям о ненастоящей девочке – ее страданиям, желании и невозможности получить любовь матери, отца или замещающих их объектов. Самое главное, наверное, случится тогда, когда психоаналитик сможет стать для такой истерической женщины «голубой феей».

Вадим Руднев, сравнивая истерический и обсессивный неврозы, замечает, что обсессивный невротик «изолирует» из вещи в событие («пустое ведро – никуда не пойду»), а истерик «вытесняет» из события в вещь («дали пощечину – невралгия лицевого нерва») (Руднев, 2006, с.107). Я думаю, истерическая женщина, по словам Моник Курню-Жанэн, «будучи вся “фаллическим фетишем”, выстроенным ее матерью, инвестируется матерью по-другому, нежели мальчик: “она вся целиком”, “целиком и полностью фаллическая”» (Курню-Жанэн, 2007, с.112). Истерическая женщина вся вытесняет себя, становясь неодушевленной вещью, предлагая себя мужчине как приз, кубок победы, ценную вещь, маркер мужской состоятельности и превосходства по отношению к другим мужчинам, предмет зависти других. Психика вытесняется вся как неделимый на части объект, в отличие от тела, которое вытесняется по частям.

Печальные мысли, отражающие фантазии о «девочке-игрушке», я слышу из уст своих пациенток. Вот один из примеров: «Я – девочка-мальчик, девочка-мячик, в который играют родители, сами – маленькие дети. Мячик без дырочки (женщина – без возможности реализовать свою женственность в сексуальном взаимодействии), есть пространство внутри, но нет входа в него, только через «смерть мяча». Скорее, я игрушка для папы, он любил гонять мяч во дворе, футбол по выходным. Мама, похоже, вообще не играла...».

Терапевтический процесс идет через осознание и переработку очерченных выше проблем не только как внешне неудачно сложившихся жизненных обстоятельств и той роли, которая в них принадлежит самой женщине, и не только как принятие с ее стороны ответственности за происходящее, – только такой переработки недостаточно, чтобы изменить сложившийся личностный стиль. Необходимо рассматривать проблему в ракурсе внутренних конфликтов между взаимодействующими «частями» личности.

Основная составляющая психотерапевтической работы должна лежать в русле интеграции отщепленной части *мужского*. Необходимо создать

целостный конструкт, недостающим фрагментом которого является мужское, воспринимаемое женщиной внутри себя как садистически-насилующее, отвергающее, отвратительное.

Но наиболее остро при истерии встает вопрос и *женского* в женщине. Здесь мы можем более контрастно увидеть конфликты женственности / мужественности. Расщепленная женственность приводит к существованию нескольких объектов «женского». Женственность в данном случае может выступать как нарциссическая компенсация, обман окружающих. Иллюзия женственности, затягивая в ловушку других, скрывает под собой бесполое существо – обреченную на отвержение «ненастоящую девочку». Другая метаморфоза истерического «женского» – воинствующая женственность, пребывающая в огне архаичной агрессии, «всегда на баррикадах».

Я надеюсь, что предложенные мной метафоры образов «женского» помогут моим коллегам, работающим с проблемами подобного рода, в их нелегком, но творческом деле.

ЛИТЕРАТУРА

- Курню-Жанэн М.* Шкатулка и ее секрет // Уроки французского психоанализа: Десять лет франко-русских клинических коллоквиумов по психоанализу. М.: Когито-Центр, 2007. С.109-123.
- Лаплани Ж., Понталис Ж.-Б.* Словарь по психоанализу. М.: Высш. шк., 1996.
- МакДугалл Дж.* Театр души. Иллюзия и правда на психоаналитической сцене. СПб.: Изд-во ВЕИП, 2002.
- Руднев В.П.* Педантизм и магия при обсессивно-компульсивных расстройствах // Московский психотерапевтический журнал. 2006. № 2 (49). С.85-113.
- Узер М.* Генетический аспект // Бержере Ж. Психоаналитическая патопсихология: теория и клиника. Сер. «Классический университетский учебник». Вып. 7. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. С.17-60.
- Хорни К.* Переоценка любви. Исследование распространенного в наши дни типа женщин // Собрание сочинений: В 3 т. Т.1. Психология женщины; Невротическая личность нашего времени. М.: Смысл, 1996.
- Шанира Л.Л.* Комплекс Кассандры: Современный взгляд на истерию. М.: НФ «Класс», 2006. С.179-216.
- Ясперс К.* Общая психопатология. М.: Практика, 1997.
- Veith Ilsa.* Hysteria: History of a Disease. Chicago: University of Chicago Press, 1965.
- Wolf Christa.* Cassandra: A Novel and Four Essays. New York: Farrar, Staus & Giroux, 1984.